

Л.А. Чувшило
Харьков

Зарождение востоковедения в Харьковском университете (1805 - 1828 гг.)

Первые десятилетия XIX в. ознаменовались крупными успехами в изучении Востока. Благодаря расширению контактов с восточным миром и прогрессу в области гуманитарных наук европейские ученые переходят в этот период от поверхностных наблюдений и умозрительных выводов к глубокому систематическому изучению языков, культуры и истории народов Азии и Африки, в результате чего возникает и стремительно развивается новая отрасль знаний – востоковедение.

Обозначенный процесс весьма активно проходил и в Российской империи, затронув прежде всего российские университеты. Не составлял в этом отношении исключения и образованный в 1805 г. Харьковский университет, который с момента своего открытия превратился в один из главных научных и образовательных центров империи. Тем не менее, история изучения Востока в Харьковском университете в начальный период его существования весьма поверхностно освещена в научной литературе. В преддверии двухсотлетнего юбилея университета представляется целесообразным заполнить этот пробел. Поэтому в данной статье предпринята попытка проанализировать начальный этап истории харьковской ориенталистики – от открытия университета до прихода на кафедру восточных языков выдающегося немецкого ученого Б.А. Дорна и определить, каким образом процесс становления российского востоковедения отразился на деятельности харьковских ученых.

Ко времени открытия университета Харьков не имел своей традиции изучения Востока. Интерес к истории и культуре восточных народов проявляли в XVIII в. некоторые преподаватели Харьковского коллегиума [Ковалівський 1961, 11-23], но их востоковедческие увлечения носили поверхностный характер и не нашли отражения в научно-педагогической деятельности. Внешние условия также не благоприятствовали зарождению в Харькове научной ориенталистики. Возникнув как форпост на «татарской границе», Харьков во второй половине XVIII в. превратился во внутренний губернский центр Российской империи и утратил живую связь с восточным миром. В городе и его окрестностях проживали единичные представители восточных народов [Багалій 1993, 56-57, 216-217; Багалей, Миллер 1905, 66-67], которые уже в значительной степени подверглись русификации и не могли способствовать становлению научной ориенталистики так же, как, например, татары в Казани. Стимулом для возникновения востоковедения в Харьковском университете послужил, по существу, лишь один фактор – заинтересованность Российского государства в развитии этой отрасли знаний. Геогра-

фическое положение и геополитические интересы России придавали ориенталистиче-
 ское исключительное конъюнктурное, государственное значение [История отечествен-
 ного востоковедения 1990, 96-97; Бартольд 1977, 4-18], и вполне естественно, что
 вновь образованному Харьковскому университету, как одному из немногих центров
 высшего образования в империи, потенциально отводилась важнейшая роль в деле
 подготовки соответствующих кадров и проведения необходимых исследований.

5 ноября 1804 г. был издан первый общероссийский университетский устав, поло-
 жения которого распространялись на реформированный Московский и вновь создан-
 ные Харьковский и Казанский университеты [ПСЗРИ 1830, 570-630, № 21498-21500].
 В составе словесного отделения каждого из трех университетов предполагалось от-
 крыть кафедру восточной словесности (восточных языков), которую должен был заме-
 щать специальный профессор [Куликова 1994, 228, № 278]. Под «восточными языка-
 ми» при этом понимались прежде всего арабский и персидский, изучение которых
 считалось необходимым из политических соображений [Веселовский 1876, 112-114].

В России, однако, не было научных кадров, которые могли бы сразу заместить восточ-
 коведческие кафедры университетов. Поэтому приходилось приглашать соответствую-
 щих специалистов из-за границы или посылать для обучения на Запад своих способ-
 ных кандидатов. В Казани руководство университета пошло по первому пути, пригласив
 из Ростка молодого немецкого ориенталиста Х.Ф. Френа [Валюев 1998, 94-96]. В
 Москве, после неудачной попытки пригласить из Геттингена известного востоковеда
 Т.Х. Тихсена, предпочли послать на обучение за границу выпускника университета А.В.
 Болдырева [Стариков 1960, 151-152]. В Харьковском университете проблема заме-
 щения кафедры была решена в целом таким же способом, как в Казани, но с некото-
 рыми существенными особенностями.

В Харькове катастрофически не доставало кандидатов на замещение многих ка-
 федр, и к моменту открытия университета удалось заполнить только 25 преподава-
 тельских вакансий из 45-ти. Тем не менее, благодаря стараниям попечителя Харьков-
 ского учебного округа С.О. Потоцкого, все кафедры словесного отделения в Харькове
 удалось заместить раньше, чем в других университетах [Багалей 1898, 152-155; Ис-
 торико-филологический факультет 1908, 2-4]. Не составляла в этом отношении ис-
 ключения и кафедра восточных языков. Преподавание на ней началось с момента
 открытия университета в январе 1805 г. [Багалей 1898, 545], в то время как Френ
 начал работу в Казани только в 1807 [Валюев 1998, 94-95], а Болдырев в Москве – в
 1811 г. [Стариков 1960, 152-153]. Заместил же харьковскую кафедру немецкий ученый
 Иоганн Готфрид (Иван Богданович) Барендт.

И.Г. Барендт проработал в университете очень недолгий срок (до декабря 1805 г.) и
 почти не оставил о себе свидетельств в источниках. Поэтому его личности и научно-
 педагогической деятельности в научной литературе, зачастую, даются крайне гипоте-
 тические, а порой и откровенно предвзятые оценки. Некоторые исследователи, вслед
 за И.Ю. Крачковским, видят в Барендте не профессионального востоковеда, а лишь
 «случайного гостя на университетской кафедре» - местного лютеранского пастора,
 приглашенного читать древнееврейский язык за неимением лучшего кандидата, - и на
 этом основании отказывают ему в праве называться первым университетским препода-
 вателем востоковедческих дисциплин в России [Крачковский 1957, 53; Данциг 1973,
 54; История отечественного востоковедения 1990, 112-113; ср.: Куликова 1986, 28;

Веселовский 1876, 115]. Между тем, некоторые документы позволяют дать иную оценку деятельности и личности И.Г. Барендта.

Наиболее ранним источником, в котором упомянуто имя Барендта, является «представление» попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, «временно управляющего делами и округа Харьковского», Н.Н.Новосильцева к министру народного просвещения П.В. Завадовскому об «определении ученого пастора Иоганна Готфрида Барендта адъюнктом филологии в Харьковский университет», датированное 12 октября 1803 г. [РГИА, л. 9-10 об]. Свои действия Н.Н. Новосильцев мотивирует следующим образом: «Так как в Харьковском университете не предполагалось иметь особого профессора филологии, то нашел необходимым определить для сего предмета хоть адъюнкта» [РГИА, л. 10]. Далее он сообщает, что Барендт обучался в Геттингене, «от знаменитейших профессоров того университета во знании латинского, греческого и еврейского и в философических науках имеет похвальный (лист), и на основании этих дисциплин был испытан в Петербурге статским советником Кохом и профессором Московского университета Тауэсом, получив их одобрение» [РГИА, л. 10 об]. Министр приказом от 15 октября 1803 г. удовлетворил прошение попечителя и выделил средства на переезд и содержание немецкого ученого в Харькове [РГИА, л. 10 об].

Таким образом, И.Г. Барендт отнюдь не был местным лютеранским пастором, который должен был временно вести занятия по древнееврейскому языку: его, как и многих других преподавателей, пригласили специально для работы в университете более чем за год до его открытия.

Не вызывает сомнений и тот факт, что Барендт обладал неплохими познаниями в области древнееврейского языка: он закончил один из лучших университетов Европы и получил похвальный лист, в том числе и за востоковедческие познания. Университет Геттингена пользовался в России особенной славой, и поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что Барендта пригласили в Харьков именно как дипломированного специалиста.

Вместе с тем из приведенного документа видно, что при приглашении учитывались не только востоковедческие познания Барендта, но и его владение классическими языками. Его назначили не просто преподавателем восточных языков, а адъюнктом филологии в широком смысле слова. Это, возможно, было вызвано тем, что в 1803 г. еще было окончательно не решено, как будет организовано преподавание восточных языков в университетах, но, несомненно, уже было известно, что само это преподавание необходимо наладить. Барендт в такой ситуации должен был казаться перспективным кандидатом: его должность не требовала организации специальной кафедры, а квалификация позволяла преподавать один из восточных языков. С другой стороны, университет крайне нуждался в преподавателях классической филологии, а Барендт с успехом мог работать и в этой области. Когда же по уставу в университете потребовалось открыть кафедру восточных языков, то администрация предпочла не искать полагавшегося по штату профессора, а назначить на нее уже имевшегося адъюнкта. Не были забыты, однако, и познания Барендта в области классической филологии: еще в 1804 г. его назначили преподавать латинский язык на курсах для поступающих в университет [Багалей 1898, 784-485], а с открытием последнего он стал вести помимо востоковедческих дисциплин практические занятия по латинскому у студентов [Извещение 1805, 11].

Вышеприведенный документ позволяет прояснить еще один весьма запутанный вопрос – о пасторской деятельности Барендта. Совершенно очевидно, что Новосильцев, называя пасторского ученого «пастором», имеет в виду его религиозную деятельность на родине – в Германии. Это и неудивительно, ибо многие немецкие ориенталисты, закончив богословский факультет, становились пасторами. Харьковским же пастором И.Г. Барендт в действительности никогда не был, на что обратил внимание только А.П. Ковалевский [Ковалівський 1961, 24]. В исследованиях по истории лютеранской общины Харькова сообщается, что Барендт в 1804 г., уже будучи «адъюнкт-профессором» Харьковского университета, был избран местными лютеранами на должность выборного проповедника, после чего стал совершать богослужения по выходным и праздничным дням в своем доме, не получая за это оплаты [Dollen 1880, 7-8]. Постоянный же пастор появился в Харькове только после смерти Барендта – в 1806 г. [Dollen 1880, 9]. Что же касается распространенного в научной литературе мнения о том, что Барендт был именно харьковским лютеранским пастором, то оно, очевидно, основывается на информации, почерпнутой из первого «Известия о публичных преподаваниях в Харьковском университете», где немецкий ученый не совсем точно именуется «лютеранского общества пастором» [Извещеніе 1805, 8]. Составители этого документа, вероятно, предпочли не вникать в тонкости организации лютеран в Харькове и, зная Барендта как «немецкого пастора», присвоили ему такое звание и в отношении местной лютеранской общины.

Рассмотрим теперь, какие востоковедческие курсы читал Барендт. В упомянутом известии говорится, что он преподавал «начала еврейского языка по пособию Дидерикуса», «филологию восточных языков», а также «изъяснял псалмы по правилам грамматическим» [Извещеніе 1805, 8]. Под «началами еврейского языка», очевидно, понимались древнееврейская грамматика и основы перевода. Пособие Дидерикуса, которое использовал Барендт, было для своего времени неплохим изданием [Diödericus 1782]. Здесь приводились многочисленные параллели к еврейским текстам и словам на арабском и халдейском языках вместе с примерами из Корана и других произведений ближневосточной литературы, и все изложение материала было построено таким образом, чтобы язык изучался в контексте «сравнительной филологии». В ЦНБ ХНУ сохранился единственный экземпляр пособия Дидерикуса и, судя по многочисленным немецким пометкам на полях, именно его использовал Барендт [Diödericus 1782, ЦНБ ХНУ, № РК 277645].

Что подразумевалось под курсом «филологии восточных языков», определить достаточно трудно. Судя по всему, это был теоретический курс [ср.: Рославский-Петровский 1855, 23], который, видимо, выходил за рамки древнееврейского языка. Среди пометок на полях сохранившегося в ЦНБ экземпляра пособия Дидерикуса встречаются многочисленные арабские параллели к еврейским словам из текста учебника и из самих пометок [Diödericus 1872, ЦНБ ХНУ № РК 277645, S. 17, 20, 21, 24-28, 41, 54, 56, 62-65, 79, 102-103, 113-117, 121-123, 127-135]. Это свидетельствует о том, что Барендт стремился ознакомить своих слушателей и с арабским языком, который считался главной университетской востоковедческой дисциплиной в России. Очевидно, он использовал арабские параллели прежде всего именно в курсе «филологии восточных языков», стараясь показать единство семитской языковой семьи. Аналогичный курс на основе арабского языка читал несколько позже в Казани Х.Ф. Френ [Мазитова 1972,

«Иъяснение псалмов» в научной литературе обычно трактуют как перевод псалмов с оригинала [Ковалевский 1961, 24; Багалей 1898, 544; Рославский-Петровский 1855, 23; Куликова 1986, 21], причем некоторые исследователи считают, что псалмы переводились на русский язык [Историко-филологический факультет 1908, 218]. Последнее предположение абсолютно неправдоподобно, так как Барендт не владел русским языком: востоковедческие дисциплины он преподавал на латинском, а занятия по латинскому вел на немецком языке [Извещение 1805, 8, 11]. В целом же, «изъяснение псалмов» не ограничивалось у Барендта простым переводом, но и включало в себя, как видно из «Извещения», «разбор по правилам грамматическим». Саму идею такого разбора Барендт почерпнул, несомненно, из пособия Дидерикуса, которое включало в себя раздел, где подробнейшим образом разбирались, комментировались и переводились на немецкий несколько псалмов [Diedericus 1872, 127-160]. В сохранившемся экземпляре пособия этот раздел испещрен немецкими пометками. На чистом листе, отделяющем раздел от остального текста учебника, записано от руки множество древнееврейских слов и арабских параллелей к ним; здесь же содержатся обширные рукописные комментарии на немецком языке, поясняющие грамматические тонкости еврейского и, особенно, арабского языка, в первую очередь – в области словоизменения. Следовательно, и при разборе псалмов Барендт не ограничивался древнееврейским материалом.

В целом, можно прийти к выводу, что Барендт отнюдь не был «случайным гостем» на университетской кафедре, как это полагают многие исследователи. Он имел достаточно высокий профессиональный уровень для преподавания востоковедческих дисциплин, стремился разнообразить свои лекции и практические курсы и приспособиться к конъюнктуре российского востоковедения. Поэтому у нас нет оснований ставить под сомнение его способности как преподавателя восточных языков, и неизвестно, каким бы образом развивалась ориенталистика в Харьковском университете, если бы Барендт не скончался 5 декабря 1805 г. [РГИА, л. 11].

В таком случае, возможно, Барендта нельзя считать первым университетским преподавателем восточных языков в России из чисто хронологических соображений, то есть потому, что в каком-то университете преподавание востоковедения началось еще до открытия специализированных кафедр? Именно к такому выводу можно прийти, если обратиться к «Истории отечественного востоковедения», авторы которой считают, что начало преподаванию восточных языков было положено в Московском университете в середине XVIII в. и связывают это событие с именами И.М. Шадена, И. Рехта и М.И. Гаврилова [История отечественного востоковедения 1990, 98]. Однако из работы А.А. Старикова, на которую они ссылаются [Стариков 1960, 148-150], равно как и из документальных источников [Биографический словарь 1855, 560; Документы и материалы 1963, 115-116, № 107; Шевырев 1855, 366], выясняется, что И.М. Шаден и И. Рехт могли преподавать восточные языки только в университетской гимназии, но никогда не делали этого в самом университете, а М.И. Гаврилов всего лишь «беседовал со студентами о еврейской поэзии», причем уже в 1805-1807 гг., то есть в одно время с Барендтом. Следовательно, у нас нет оснований полагать, что в Московском университете преподавание восточных языков началось еще до 1805 г. Во всяком случае, остается непонятным, почему авторы «Истории отечественного востоко-

ведения» позволяют делать такие смелые заявления в отношении Московского университета, в то время как отказывают в праве называться первым университетским преподавателем восточных языков И.Г. Барендту [*История отечественного востоковедения* 1990, 112-113], соответствующая деятельность которого подтверждается документальными источниками.

После смерти Барендта кафедра восточных языков остаалась незамещенной в течение 24 лет. Это, однако, не означает, что администрация университета и Совет словесного факультета не предпринимали мер для развития ориенталистики в стенах университета. В течение всего этого периода востоковедние продолжало сохранять свое конъюнктурное значение в системе высшего образования Российской империи, и в Харькове не могли игнорировать этот факт. В первые годы после смерти Барендта харьковская администрация, правда, предпочитала не следовать буквально общероссийской конъюнктуре, акцентированной на изучении арабского и персидского языков, предполагая, очевидно, что кафедра опять может быть замещена семитологом-гебраистом типа И.Г. Барендта. Об этом свидетельствует факт приобретения Харьковским университетом в 1806-1809 г. еврейского типографского шрифта с цифрами и календарными знаками [*Фойгт* 1859, 134]. Такое приобретение должно было обойтись университету недешево и свидетельствовало о весьма серьезном отношении к развитию семитологии и ориенталистики вообще. В университете, видимо, не только надеялись организовать преподавание древнееврейского, но и предполагали издавать пособия по этому языку.

Однако каких-либо попыток заместить кафедру восточных языков в 1806-1811 гг. не известно. Первая после смерти Барендта инициатива такого рода относится только к 1811 г. 18 марта этого года Совет словесного факультета принял единогласное решение об избрании на кафедру восточных языков («арабского, персидского, турецкого и еврейского») немецкого профессора Ф. Вилькена, а также о введении на этой кафедре должности «адъюнкта татарских наречий, и особенно – маньчжурского языка» [*Историко-филологический факультет* 1908, 6; *Сухомлинов* 1889, 99-100; *Ковалевский* 1961, 24-25].

Чем же была вызвана такая неожиданная активность словесного факультета в области организации преподавания восточных языков? Вероятнее всего, здесь сыграло свою роль стремление следовать общероссийским процессам в этой сфере. В 1810 г. будущий министр просвещения и президент Академии наук граф С.С. Уваров представил в правительство свой «Проект азиатской академии» [*Uvarov* 1810], который вызвал бурные дискуссии относительно необходимости расширения преподавания восточноведческих дисциплин в образовательных учреждениях Российской империи [*Куликова* 1970, 136-139]. В этих дискуссиях активное участие приняли многие видные российские и зарубежные ученые, политические и общественные деятели, а том числе В.А. Жуковский, С. де Саси, Ж де Местр, И.В. Гете и даже Наполеон Бонапарт [*Крачковский* 1957, 69-70; *Бартольд* 1977, 45-47; *Куликова* 1970, 45-47]. Ученые харьковского университета, очевидно, не пожелали оставаться в стороне от этого процесса и решили вплотную заняться организацией преподавания на кафедре восточных языков, которая пустовала уже в течение пяти лет. Более того, они сочли необходимым принять посильное участие в расширении сферы преподавания восточных языков, приняв постановление о введении на кафедре должности адъюнкта маньчжурского

языка. Это была первая в России попытка ввести в программу университета язык народов Дальнего Востока [Бартольд 1977, с. 456]. Примечательно, что инициатором постановления выступил заведующий кафедрой всеобщей истории профессор А.А. Дегуров, который выделялся среди преподавателей стремлением «выслужиться» перед государством, умея однако придать этому стремлению вид «борьбы за передовую ученость» [Лебедев 1876, 135-142]. Определенную роль здесь сыграли, видимо, и собственные востоковедческие интересы Дегурова в сфере изучения ногайских татар (см. ниже), ибо постановление упоминало и о татарских наречиях в целом.

Особый интерес вызывает преамбула упомянутого постановления. Здесь говорилось, что должность «адъюнкта татаро-маньчжурского языка» вводится «как по причине связей Российской империи с китайскою, так и ради китайской литературы и древностей». «Изучение сего языка, - по словам автора постановления, - по политическим и торговым связям России с восточными народами, великую пользу принести может, на сей язык переведены древнейшие летописи Китая, и можно надеяться посредством оного отыскать неизвестные еще европейцам сокровища китайской учености, чем университет может приобрести себе много чести и славы» [Сухомлинов 1889, 100]. Таким образом, во внимание принималось как практическое, «государственное» значение упомянутого языка, так и его научная ценность. Выбор именно маньчжурского, а не китайского языка, судя по всему, был обусловлен в первую очередь тем обстоятельством, что он является гораздо более доступным в изучении для европейцев В.В. Бартольд даже считает, что изучение непосредственно китайского признавалось в Харькове невозможным [Бартольд 1977, 456]. Однако для такого заключения нет оснований. Более вероятно, что дополнительным стимулом к выбору маньчжурского послужил прагматический подход к поиску соответствующего специалиста: человека, знающего на высоком уровне китайский язык, найти в России в те годы была весьма затруднительно, в то время, как маньчжурским владели многие духовные и светские лица, принимавшие участие в российских духовных миссиях в Пекин. Из членов этой миссии и вышли первые маньчжуроведы и китаеведы, работавшие в учебных заведениях Министерства народного просвещения [История отечественного востоковедения 1990, 267-274]. Нельзя также забывать, что маньчжурский тогда был официальным языком Китайской империи, и его изучение могло способствовать развитию политических контактов между Россией и Китаем.

Однако начинание в области преподавания маньчжурского языка в Харьковском университете не дало ожидаемых результатов. На должность упомянутого адъюнкта так никогда и не удалось найти кандидата [Историко-филологический факультет 1908, 6]. Тем не менее, к преподаванию «татарских наречий» в целом поначалу отнеслись, видимо, достаточно серьезно. Об этом свидетельствует закупка университетом в 1812-1814 гг. «татарского шрифта с украшениями, ударениями и цифрами» [Фойгт 1859, 135].

Избрание в 1811 г. на кафедру восточных языков профессора Ф. Вилькена также очевидно, было связано со стремлением выполнить «государственный заказ» в области востоковедения. Этот немецкий ученый был одним из крупнейших европейских специалистов тех лет в области иранистики. Его перу принадлежал ряд работ по иранской филологии, первая персидская грамматика и первая в Европе персидская хрестоматия. Именно в таких специалистах остро нуждалась в то время Российская дер-

кава, ибо в ходе русско-иранской войны 1804-1813 г. выяснилось, что несмотря на многолетние дипломатические и торговые контакты с Персией, эта страна остается для России практически незнакомой, что приводило к серьезным просчетам в военных действиях и затрудняло мирные переговоры [Игамбердыев 1952, 131-139]. Кроме того, катастрофически не доставало переводчиков и вообще знатоков персидского языка [История отечественного востоковедения 1990, 172]. Ф. Вилькен принял приглашение университета с благосклонностью, но так и не смог в конечном итоге приехать в Харьков.

Таким образом, инициативы 1811 г. по организации преподавания восточных языков не дали никаких результатов. В последующие годы, возможно, также предпринимались попытки заместить кафедру, но о них не сохранилось практически никакой информации, ибо документы университета за период 1811-1825 гг. сохранились очень плохо. Известно только, что в этот период Совет дважды избирал на кафедру восточных языков шведского арабиста Я. Бергтрена (1790-1868), который был известен в России как автор арабского словаря, одного из лучших пособий по арабскому разговорному языку и диалектологии. Но шведский ученый так и не приехал в Харьков, продолжая оставаться провинциальным пастором у себя на родине.

Неудачи в организации преподавания востоковедческих дисциплин не сказались, однако, на общем отношении администрации и преподавателей университета к ориенталистике. Интерес к Востоку и стремление способствовать развитию востоковедения проявлялись в эти десятилетия на самых различных уровнях структуры университета, чему способствовала не только государственная политика в этом вопросе, но и, несомненно, характерная для начала XIX в. общая увлеченность Востоком, которую постоянно стимулировали успехи в области изучения языков, культуры, истории и географии Азии и Африки.

Несколько изданий, способствовавших популяризации востоковедческих знаний, увидели свет в период с 1810 по 1820 гг. в типографии Харьковского университета. Прежде всего здесь следует назвать учебники по всемирной истории и всемирной географии, написанные для харьковской гимназии «учителем исторических наук» С.Л. Есикорским [Есикорский 1819, 1819 а]. Учебник по истории был составлен на основе библейской традиции и античной историографии, но содержал в себе и некоторые современные сведения о древнем Египте и Персии [Есикорский 1819, 12-34]. Пособие же по географии, специально посвященное Азии и Африке, в целом отвечало уровню науки тех лет и существенно превосходило в этом отношении традиционные российские учебники такого рода, составленные в духе представлений XVIII в. [Есикорский 1819 а].

Определенное отношение к востоковедению имел и изданный в 1817 г. словарь иностранных слов русского языка Ф. Кравчуковского [Кравчуковский 1817]. В нем были приведены толкования многих древнееврейских, турецких, арабских и персидских слов, хотя их этимологии в большинстве случаев, конечно, были маловероятными, а иногда и вовсе ошибочны [ср.: Ковалевский 1961, 25]. Более совершенной в филологическом отношении была книга И. Орнатовского «Новейшее начертание правил российской грамматики, на начвах всеобщих основанных», изданная в университете в 1810 г. [Орнатовский 1810] Здесь едва ли не впервые в российской литературе были четко изложены основные положения арабской и древнееврейской грамматики и от-

мечены черты, сближающие их с грамматикой славянской.

Надо заметить, что достижения в области филологии восточных языков были хорошо знакомы в те годы и некоторым преподавателям словесного факультета. Так, первый ректор университета, профессор риторики и русской словесности И.С. Рижский (1761-1811) имел достаточно четкие представления о санскрите и ведийской литературе, что было редкостью для России начала XIX в. В своей книге «Введение в круг словесности», изданной впервые в 1806 г. [Рижский 1806], он говорил о глубокой древности санскрита, его взаимосвязи с различными европейскими и восточными языками и даже приводил примеры ведийских и санскритских слов и выражений. Аналогичными познаниями обладал профессор филологии Н.Н. Паки-де-Совиньи. В работе «Всеобщая и филологическая грамматика языков», вышедшей в типографии университета в 1823 г., этот ученый отмечал значение санскрита для сравнительного языкознания и давал краткие сведения из истории древнеиндийских языков и литературы [Паки-де-Совиньи 1823, 14-19, 25-29].

Интерес к Востоку проявил в первые десятилетия XIX в. и видный украинский литератор, драматург и фольклорист, профессор кафедры русской истории П.П. Гулак-Артемовский. В 1819 г. в журнале «Украинский вестник» им был опубликован перевод с польского языка сочинения «Периоды или веки мира по счислению известнейших священных книг индийских» [Гулак-Артемовский 1819], а в 1824 г. – собственная статья «О поэзии и красноречии на Востоке» [Гулак-Артемовский 1824]. В последней работе Гулак-Артемовский с восхищением отзывался о библейской поэзии и прозе, а также предлагал свое стихотворное переложение некоторых стихов «Песни песней». Приводил он и выдержки из стихотворений арабских поэтов, переведенные, судя по всему, с польского языка. Считая Восток колыбелью мировой культуры, Гулак-Артемовский стремился показать, что поэтическое творчество европейских народов уходит своими корнями в поэзию древних семитов, которой свойственна исключительная легкость, образность и простота языка [Гулак-Артемовский 1824, 210-212].

Наибольший же интерес к Востоку в первые два десятилетия существования университета проявляли иностранные преподаватели, и это было отнюдь не случайно. Находясь в Харькове, западноевропейские ученые в значительно большей степени, чем их российские коллеги, ощущали свою близость к восточному миру. Харьковский университет в представлении европейцев тех лет находился почти что в Азии, на «необжитой земле», в непосредственной близости от Кавказа и Турции, и, направляясь сюда, многие из них не исключали возможности столкнуться с живой восточной средой. Языковой и культурный барьер, равно как и реалии Слобожанщины начала XIX в., существенно отличавшиеся от западноевропейских, способствовали поддержанию подобных настроений. Все это давало живительную почву для увлечения ориенталистикой, развитие которой, к тому же, поощрялось российским государством.

Среди иностранных ученых, прибывших в Харьковский университет на работу, были и такие, кто имел профессиональную востоковедческую подготовку или, по крайней мере, неплохие познания в области ориенталистики. Таковым был прежде всего профессор классической филологии И.Х. Роммель. Будучи сыном священника, он еще в школьные годы основательно изучил у себя на родине в Гессене древнееврейский и арабский языки [Роммель 2001, 33-34], а затем получил подготовку по семитологии, арабистике и истории Востока в университетах Марбурга и Геттингена у выдающихся

востоковедов начала XIX в. А.Т. Гармана, Р. Арнольди, И.Г. Эйнгорна и Т.Х. Тихсена. Студенческая конкурсная работа Роммеля «Описание Аравии у Абу-ль-Фиды» (1802) была высоко оценена видным арабистом того времени С. де Саси. В 1802-1809 гг. он опубликовал целый ряд востоковедческих работ, среди которых были исследования не только по арабистике, но и по истории и этнографии Кавказа [Роммель 2001, 36-44, 61-62]. Одну из таких работ Роммель в 1803 г. преподнес императору Александру I, после чего получил приглашение в Харьковский университет [Роммель 2001, 43-44, 47]. Однако тогда он не поехал в Россию, предпочтя карьере профессора классической филологии в Марбурге. Новое приглашение в Харьковский университет, на должность профессора римской литературы, Роммель получил в 1808 г. благодаря стараниям его учителя К.Г. Гейне [Роммель 2001, 86-87]. На этот раз он согласился на переезд, ибо тяготился наполеоновской оккупацией Гессена, и в 1811 г. занял кафедру римской словесности в Харькове.

И.Ю. Крачковский и А.П. Ковалевский отмечали, что Роммель имел достаточные познания в восточных языках для замещения в Харьковском университете вакантной востоковедческой кафедры [Крачковский 1957, 53; Ковалевский 1961, 25]. Однако этого не произошло, и на протяжении четырех лет работы в Харьковском университете ученый преподавал исключительно античную литературу. В представлении администрации этот предмет, видимо, был более важен, чем восточные языки. Кроме того, Роммель, несмотря на свои востоковедческие познания, отнюдь не считался профессиональным востоковедом. Он никогда не преподавал востоковедческие дисциплины, не имел соответствующей степени и официально не мог занять восточную кафедру. Подобного желанья у самого Роммеля, видимо, также не было.

Тем не менее в Харькове Роммелю все же удалось применить свои познания в области ориенталистики, хотя и в значительно меньшей степени, чем он рассчитывал. Направляясь в Харьковский университет, ученый надеялся на встречу с реальным восточным миром и мечтал побывать на Кавказе и в Турции. После пересечения российской границы, продвигаясь по заснеженным украинским степям, Роммель, по его собственным словам, испытывал такие же чувства, как первый французский путешественник по Африке Ф. Левельян. Он представлял себя «в роскошных таврических дворцах татарских ханов», «в раю прекрасных грузинок и черкесок» и думал о том, «как быстро ветер может отнести его из Таганрога или Одессы в Стамбул» [Роммель 2001, 105]. Реальность, однако, оказалась более прозаической. Побывать на Кавказе и в Турции Роммелю так и не удалось. Его «восточное путешествие» закончилось недалеко от Харькова по причине введения эпидемического кордона и начала войны с Наполеоном. В Харькове же возможности пополнения востоковедческих знаний оказались весьма ограниченными. Тем не менее, ученый не упускал любую возможность получить хоть какую-либо информацию об интересующих его регионах Востока. Сведения о Кавказе Роммель черпал из рассказов местного дворянина генерала М. фон Биберштейна, автора «Описания путешествия по землям между Терекком и Курой» и атласа кавказской флоры. Некоторую информацию на этот счет мог сообщить ему и его близкий знакомый – полковник Ковалинский, который в эпоху Екатерины II был фаворитом губернатора Грузии и жил в Тифлисе [Роммель 2001, 130-131]. Посчастливилось Роммелю увидеть в Харькове и настоящую грузинскую царевну, которую со свитой и эскортом везли в Санкт-Петербург. Он, вместе с ректором Стойковичем, при-

ветствовал ее от имени университета, получив при этом «совершенно новые впечатления» [Роммель 2001, 131-132]. В 1812-1813 г. Роммель весьма активно общался с пленными турецкими офицерами, поселенными в окрестностях города, и получил от одного из них в подарок редкостный мусульманский молитвенник искуснейшей выделки. В одном доме с Роммелем жил также пленный турецкий паша, родившийся вблизи Аравии, с которым ученый беседовал на арабском языке, находя, очевидно, немало общих тем [Роммель 2001, 133].

Помнили о востоковедческих познаниях Роммеля и в Санкт-Петербурге. Когда в 1811 г. на берегу Северского Донца, неподалеку от Славянска, был найден камень с неизвестными, предположительно восточными письменами, Роммель получил из столицы поручение осмотреть его и перевести написанное [Роммель 2001, 119]. Вместе с художником и писарем он направился к месту находки, но «к своему стыду» обнаружил, что не может расшифровать нанесенный на камень рунический текст. Пришлось ограничиться снятием факсимиле, которое было отправлено в Петербург. После возвращения в Германию ученый сопоставил эти руны с опубликованными П.С. Палласом и Г.И. Спасским «сибирскими» (орхоно-енисейскими) письменами, а также с надписями, найденными им самим в захоронениях гунов в Гессене в 1817 г., и обнаружил между ними значительные сходства [Роммель 2001, 119]. Это позволило ему сделать вывод о существовании «грубого рунообразного письма, в древние времена принесенного из Азии в Европу». В 1893 г. В. Томсен доказал, что орхоно-енисейские письмена являются алфавитным письмом древнетюркского населения Сибири и Монголии, но ранее большинство исследователей также видели в них руны, с малоизвестным вариантом которых, видимо, и столкнулся Роммель в Славянске. Рунические тексты в большинстве своем не расшифрованы до настоящего времени, и поэтому неудача харьковского ученого в данном случае была вполне закономерной.

Немалый интерес к Востоку проявил в первые десятилетия существования университета и один ученый французского происхождения – упоминавшийся выше А.А. Дегуров (Дюгур). В отличие от Роммеля, он не имел специальной востоковедческой подготовки, но считал необходимым всячески способствовать развитию востоковедения в Харьковском университете. После того, как его попытки организовать преподавание на кафедре восточных языков потерпели неудачу, Дегуров решил лично принять участие в востоковедческих исследованиях и обратился к изучению «местного» востоковедного материала. Во время своих инспекторских поездок по Харьковскому учебному округу в 1811-1813 г. Дегуров собрал весьма обширные сведения о жизни и истории ногайских татар, значительное число которых все еще проживало в Приазовье и Причерноморье. Собранный им материал лег в основу книги «Цивилизация татар-ногайцев на юге европейской России», которая вышла в типографии университета в 1816 г. [De Gourouff 1816]. Основываясь на собственных наблюдениях, документах и данных работ П.С. Палласа и других ученых, Дегуров описывает историю формирования ногайского этноса, исследует пути расселения ногайцев в XVI-XVIII вв., выделяет основные этнотерриториальные группы этого народа, описывает его кочевой быт и социальное устройство, рассказывает о «варварских обычаях» и верованиях ногайцев, упоминает о набегах на украинские и российские города и подробно останавливается на истории подчинения ногайцев России и падении Крымского ханства. Характеризует он и современное состояние ногайцев с социально-политической и экономиче-

ческой стороны, сообщая, в частности, о глубоком социальном расслоении в их среде и крушении традиционной структуры общества [De Gouffo 1816, 2-76]. Приведены в исследовании и статистические таблицы, содержащие подробные данные о населении ногайских деревень, его этническом и половозрастном составе, об имущественном положении ногайцев, о числе мурз, старейшин и «разбогатевших» поселян и т.д. [De Gouffo 1816, 114-120].

Все это изложение выглядит достаточно беспристрастно, и поначалу создается впечатление, что Дегуров просто хотел написать научно-популярную работу о реликтовом «варварском» народе. Однако заключительная часть книги показывает, что данное сочинение имело четкую политическую направленность и «конъюнктурное» значение. Здесь рассказывалось о «цивилизаторских мерах» Российского государства по переводу кочевых ногайцев на оседлый образ жизни [De Gouffo 1816; 80-112]. Эта политика изображена Дегуровым как истинное благо для «кочевников», как процесс приобщения разнузданных диких варваров к культуре и цивилизации. Автор с невероятным пафосом восхваляет соответствующие меры царского правительства, отмечая, что ни одна из европейских держав не действует в своих колониях по отношению к туземцам столь благородным и полезным образом. Особо выделяет Дегуров деятельность управляющего крымскими кочевыми народами, «своего друга» графа А. де Мезона [De Gouffo 1816, 80-84]. По словам ученого, ногайцы настолько любили своего управителя, что любое его решение по поводу перехода на оседлость выполняли с великой охотой и без всякого принуждения. Между тем известно, что в действительности де Мезон применял в отношении ногайцев чрезвычайно крутые меры, заставив их в 1810-1811 гг. силою покинуть кибитки и строить себе дома [Скальковский 1867, 398-399]. Не упоминает Дегуров и о том, что деятельность де Мезона поначалу не принесла результатов: когда в апреле 1812 г. он поехал в ногайские аулы, ожидая увидеть ногайцев в домах, то обнаружил, что все они продолжают жить в кибитках, а дома пустуют [Сергеев 1912, 32]. Он приказал ногайцам немедленно заселить дома, угрожая уничтожением кибиток, а когда это было исполнено, собрал ногайских волостных голов и приказал им самим под угрозой расправы сжечь все кибитки, что принесло ногайским семьям огромный материальный ущерб [Сергеев 1912, 32; Гаджиева 1976, 18-19]. Обо всем этом Дегуров умалчивает, и конфликт между де Мезоном и ногайцами сводится у него к упоминанию о том, что только один аул воспротивился переходу на оседлость, но управляющему достаточно было лишь заявить, что «он вовсе перестанет заниматься делами ногайцев и уйдет от них», чтобы жители этого аула немедленно подчинились приказу [De Gouffo 1816, 82]. В розовых тонах описывает Дегуров и жизнь ногайцев в оседлых деревнях, отмечая невероятные перемены в культурной и социальной сфере у этого кочевого народа в связи с переходом на оседлость [De Gouffo 1816, 90-100].

Таким образом, сочинение Дегурова было в еще большей степени данью «госзаказу», чем его попытка ввести на кафедре восточных языков преподавание маньчжурского. Не исключена в данном случае и возможность прямого «заказа» со стороны соотечественника Дегурова де Мезона, который, несомненно, и снабдил исследователя статистическими материалами и другими данными о жизни современных ногайцев. Меры де Мезона по «осаждению» кочевников были встречены в российском обществе положительно и особо отмечены властями [Гаджиева 1976, 19; Краткий обзор 1836,

14]. Поэтому Дегуров своей работой как раз «попал в точку». Немаловажную роль играл и тот факт, что исследование было написано на французском языке, вследствие чего доступно европейцам, получавшим таким образом возможность ознакомиться с колониальной политикой России.

Тем не менее работа Дегурова представляет немалый научный интерес, ибо содержит ценнейший фактический материал о жизни ногайцев в начале XIX в. К сожалению, современные исследователи ногайского этноса не оценили достоинств этого сочинения: последней известной нам работой, где были активно использованы данные Дегурова, является статья О. Варнеке, впервые опубликованная в 1930 г. [Варнеке 1930]. Французскому ученому следует отдать должное и как единственному харьковскому исследователю начала XIX в., который обратился к местному востоковедческому материалу, хоть в какой-то степени реализовав возможности Харькова как города, в прошлом связанного с Востоком.

Общие взгляды А. А. Дегурова на восточный мир отразились также в одной из его торжественных речей, прочитанной на заседании Харьковского университета 17 января 1812 г. Эта речь носила название «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» [Дегуров 1812]. Здесь Дегуров выступает с характерной для него и его времени европоцентристской концепцией. Упоминая о зарождении наук на древнем Востоке и поддержании интереса к ним среди арабов, он говорит, что крестовые походы, открытие Америки и массовое использование пороха позволили европейцам успешно покорить весь мир, овладев затем его научным потенциалом и приумножив познания с помощью свободного рационального мышления. В заключении речи Дегуров не забывает упомянуть о заслугах императора Александра I, отдающего все силы для приумножения наук и культуры в России [Дегуров 1812, 51-52].

Достаточно активно интересовался Востоком и востоковедением еще один харьковский ученый иностранного (немецкого) происхождения - профессор всеобщей истории и политических наук Б. О. Рейт. По мнению Н. И. Лавровского, он был одним из лучших преподавателей университета начала XIX в. и отличался глубокими для своего времени познаниями в истории и других гуманитарных науках [Лавровский 1872, 232]. Украину и Россию Рейт, как и другие иностранные ученые, воспринимал в качестве пограничных зон Европы и связывал всю их историю прежде всего с Востоком. Такие представления, по существу, и лежали в основе его востоковедческих интересов. В своей главной работе «Опыт истории России», написанной на латинском языке, Рейт специально исследовал историю монголов и родственных им племен (гуннов, «турок», татар, аланов и т. д.) и высказал немало самостоятельных идей относительно их происхождения [Reit 1811, 88-97]. Он пытался выявить сведения о монголах и турках у греческих авторов, находил упоминания о татарах и аланах у Страбона и Плиния, с помощью достаточно натянутых этимологий стремился вывести слово «казак» из предполагаемого самоназвания алан «акасы», а также возводил происхождение «черкасов» (украинцев) к аланам, смешанным с готами и гетами. Большинство из этих предположений, конечно, абсолютно фантастичны [см.: Лавровский 1873, 100-103], но некоторые из них не лишены рационального зерна, как например, предположение о принадлежности волжских булгар, хазар и печенегов к тюркской языковой семье, к которой он относит, однако, и угров [Reit 1811, 84-95]. Заслуживает внимание и представле-

ние ученого о Кавказе как о «компендиуме» европейских и азиатских народов [Reit 1811, 101], характерное также для Роммеля и многих других немецких ученых. Следует заметить, что большинство абсурдных, с нашей точки зрения, востоковедческих идей Рейта в начале XIX в. воспринимались как вполне приемлемые. Ведь даже Роммель был абсолютно уверен в том, что сочинение Страбона является лучшим источником для изучения современного Кавказа, и как открытие преподносил очевидный для нас сейчас факт, что античные авторы ошибались в описании некоторых районов Аравии [Роммель 2001, 39-43].

Взгляды Рейта на восточный мир в целом отразились в двух его речах, произнесенных на торжественных заседаниях университета: «Дух литературной культуры Востока и Запада» [Reit 1812] и «Восток» [Reit 1815]. Первая речь посвящена описанию первозданного «мифологического» духа восточной словесности, который европейцы переработали на более высоком «цивилизованном» уровне еще в греко-римскую эпоху, получив таким образом возможность творить высокохудожественную литературу. Несмотря на эту европоцентристскую канву, речь лишена пренебрежительного отношения к восточной культуре. Напротив, автор восхищается Востоком как колыбелью цивилизации и высоко оценивает древнееврейскую, персидскую и арабскую поэзию, а также философскую литературу Индии и Китая. Родиной большинства древних народов Рейт считает Северную Индию, а источником их языка – санскрит. Подтверждение своих высказываний он видит в недавнем открытии санскритского происхождения разговорного языка современного Кашмира [Reit 1812, 60-63]. Киевскую Русь и вообще Россию он расценивает как своеобразного посредника между западным и восточным миром, высоко оценивая при этом просветительскую деятельность Владимира Великого и Ярослава Мудрого, которая позволила Руси вобрать в себя все лучшее с Запада и Востока [Reit 1812, 64]. В заключении Рейт сопоставляет на основе материалов доступных ему работ слова из авестийского, пехлеви, санскрита, арабского и французского, пытаясь показать внутреннее единство и историческую взаимосвязь европейских и азиатских языков [Reit 1812, 65-66].

Речь «Восток» посвящена обзору исторического развития всего человечества. В первозданном состоянии человечество, по мнению Рейта, было самодостаточно и неотделимо от природы, имело один общий язык, общую территорию и социальную организацию «природного типа» [Reit 1815, 1-2]. Такое «полурайское» состояние сохранилось в XIX в. только в джунглях Амазонии. Следующая же ступень развития – поколение мифологических «гигантов» - характеризовалось такой культурой, какую в настоящее время можно наблюдать на Востоке. «Ориентализм», по мнению Рейта, есть первозданный мифологический дух, основанный еще на природных, а не на чисто человеческих началах. Далее Рейт анализирует уровень развития различных восточных народов «по восходящей» - от персов, которые менее всего удалились от «духа природы» до мидийско-индийского «протонарода», которому удалось преодолеть первоначальные природные географические и культурные границы и расселиться даже в Европе, развив рациональную науку и совершенную религиозную мораль [Reit 1815, 3-7]. Здесь Рейт проявляет неплохие познания в древнеиндийской и древнеперсидской литературе, постоянно ссылаясь на Ригведу, Авесту и другие сочинения. Упоминает Рейт и о всех попытках «восточного мира» вторгнуться в пределы западного: персидских войнах, нашествиях гуннов, хазар, половцев и монголо-татар, арабских и ту-

реких завоеваниях в Европе. Немалый интерес вызывают новые эксперименты Рейта в сопоставлении данных различных языков, особенно его попытка вывести этимологию имени «Атила» из старого названия Волги – «Итель», и сопоставить это слово с ацтекским (!) «большая вода» [Reit 1815, 4].

Таким образом, в работах Рейта неизменно присутствует стремление представить мировую цивилизацию как результат последовательного развития единой ойкумены, разные части которой находятся на разных уровнях культуры. Отсюда и постоянное желание найти взаимосвязь между Востоком и Западом и провести аналогии между словами из самых различных языков, которые должны восходить к единому «проточеловеческому» наречию. Подобные идеи, очевидно, занимали Рейта прежде всего потому, что, находясь в Харькове, он, как и другие западные ученые, ощущал себя на «стыке» западного и восточного миров, в роли первопроходца, несущего цивилизацию в необжитую далекую землю.

Восточная тематика привлекла в первые десятилетия существования университета и некоторых студентов. Так, в 1820 г. некий студент Петровский «по окончании экзаменов» прочитал перед собранием университета, а затем опубликовал собственный перевод раздела «Развалины Пальмиры» из книги К. Ф. Вольнея о его путешествиях на Восток [Петровский 1820]. Перевод этого сочинения уже был опубликован в России в конце XVIII в., но из-за малочисленного тиража, видимо, не достиг Харькова. Примечательно, что перевод Петровского существенно превосходил это издание по живости языка и близости к оригиналу.

Таким образом, в период с 1805 по 1828 г. ориенталистика в Харьковском университете претерпевала определенное развитие. Администрация и преподаватели университета постоянно предпринимали усилия для того, чтобы превратить вуз в один из центров российского востоковедения. В Харьковском университете, раньше чем в других, удалось наладить преподавание восточных языков, но дальнейшие меры подобного рода не принесли ожидаемых результатов. Несмотря на это, интерес к Востоку в Харькове не исчезал. Его поддерживали преимущественно иностранные преподаватели университета, которые, находясь на Слобожанщине, весьма остро ощущали близость восточного мира и были способны найти востоковедческий материал в окружающей действительности. Серьезным стимулом для развития востоковедения была также заинтересованность государства в расширении этой отрасли знаний, придававшая ориенталистике конъюнктурное значение. Такие условия создавали в научной среде весьма благоприятную для востоковедческих исследований атмосферу и способствовали сохранению за Харьковом статуса одного из потенциальных центров восточного образования и науки. Именно благодаря этому в 1829 г. стал возможным переход из Лейпцига в Харьковский университет выдающегося немецкого ученого-востоковеда Б. А. Дорна, который смог поднять харьковскую ориенталистику на должный научный уровень.

Литература

- Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2 т. Т.1: 1802-1815. – Харьков: Тип. Зильберберга, 1898. – 1204 с.
- Багалей Д.И., Миллер Д.П.* История города Харькова за 250 лет его существования (1655-1905). – Харьков: Тип. Харьк. Имп. ун-та, 1905. – 568 с.
- Багалій Д.І.* Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993. – 256 с.
- Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 9. – С. 199-482.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие со дня его учреждения января 12-го 1755 по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года:* в 2-х ч. Ч. 2. – М.: Тип. МИУ, 1855. – 388 с.
- Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань: КГУ, 1998. – 378 с.
- Варнеке О.* Клвсова боротьба серед ногайців на початку XIX ст. // Східний Світ. – 1994. - № 1-2. – С. 97-256.
- Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге: В 2-х т. – СПб.: Тип. АН, 1876. – Т. 1. – С. 97-256.
- Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1976. – 285 с.
- Гулак-Артемовский П.П.* О поэзии и красноречии на Востоке // Украинский вестник. – 1824. - № 5. – С. 210-236.
- Гулак-Артемовский П.П.* Перевод польского трактата «Периоды или веки мира по числению известнейших священных книг индийских» // Украинский вестник. – 1819. - № 4. – С. 39-53.
- Двнциг Б.М.* Ближний Восток в русской литературе и науке (Дооктябрьский период). – М.: Наука, 1973. – 434 с.
- Дегуров А.А.* О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями Света // Торжественные речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Харьковского университета, бывшем 17 января 1812 г. – Харьков: Тип. ХИУ, 1812. – С. 27-52.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в.* Сост. Н.А. Пенчко: В 3-х т. Т. 3. – М.: МГУ, 1963. – 518 с.
- Есикорский С.Л.* Всемирная история, расположенная по народам. – Харьков: Тип. ХИУ, 1819. – 120 с.
- Есикорский С.Л.* Начертание географии: В 2-х ч. Ч. 2: Содержащая в себе Африку, Азию и Южную Индию. – Харьков: Тип. ХИУ, 1819а. – 122 с.
- Игамбардыев М.* Русско-иранская война 1804-1813 гг. // Труды Узбекского гос. университета. – Новая серия. – 1952. – Вып. 51. – С. 17-34.
- Извещение о публичных преподаваниях, имеющих быть в Имп. Харьковском университете в течение 1805 г.* – М.: Тип. МИУ, 1805. – 23 с.
- Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто*

лет его существования (1805-1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. – Харьков: Тип. Дарре, 1908. – Ч. 1. – 168 с.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990 – 439 с.

Ковалівський А.П. Вивчення Сходу в Харківському університеті у XVIII-XX віках // Антологія літератур Сходу. – Харків: ХДУ, 1961. – С. 9-122.

Кравчуковский Ф. Новый и полный толкователь слов славянских, греческих, латинских, французских, немецких, итальянских, турецких и других, употребляемых в российском языке. – Харьков: Тип. ХИУ, 1817. – 121 с.

Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. – 1836. – Ч. 33. – № 9-12. – С. 18-76.

Крачковский И.Ю. Очерки истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: В 5 т. – М.: АН СССР, 1957. – Т. 5. – С. 9-187.

Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVI в – 1917 г.). – СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. – 448 с.

Куликова А.М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII – I пол XIX вв.) // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 4. – С. 133-139.

Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – Л ЛГУ, 1986. – 206 с.

Лавроевский Н.А. Василий Назарович Карвзин и открытие Харьковского университета // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1872. – Т. 159. – № 2 – С. 197-246.

Лавроевский Н.А. «Опыт русской истории» Рейта // ЖМНП. – 1873. – Т. 160. – № 1 – С. 87-105.

Лебедев А.С. Антон Антонович Дегуров // Вестник Европы. – 1876. – № 3. – С. 135-176.

Мазитова И.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая пол. XIX в.). – Казань: КГУ, 1972. – 118 с.

Орнатковский И. Новейшее начертание правил российской грамматики, на общих началах основанных. – Харьков: ХИУ, 1810. – 311 с.

Паки-де-Совиньи П.П. Всеобщая и философическая грамматика языков или ключ ко всем языкам и литературе. Ч. 1. – Харьков: тип. ХИУ, 1824. – 158 с.

Петровский. Развалины Пальмиры: Из Вольнея // Сочинения и переводы студентов Имп. Харьковского ун-та, читаемые июля 30-го числа по окончании экзаменов их. – Харьков: Тип. ХИУ, 1820. – С. 95-98.

ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание I (1649-1825 гг.): В 45-ти т. Т. 28. – СПб.: Тип. 2-го отделения, 1830. – 1229 с.

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733: Департамент народного просвещения. – Оп. 49, ед. хр. 7.

Рижский И.С. Введение в круг словесности. – Харьков: Тип. ХИУ, 1806. – 109 с.

Роммель К.Д. Спогади про моє життя / Пер. з німецької за ред. В.В. Кравченка. – Харків: Майдан, 2001. – 326 с.

Рославский-Петровский А.П. Об ученой деятельности Харьковского университета в первое десятилетие его существования // ЖМНП. – 1855. – № 87. – С. 2-26.

Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // Извест-

- Таврической ученой архивной комиссии. – 1912. – № 48. – С. 10-145.
- Скальковский А.А. О ногайских колониях в Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь, 1867. – Вып. 1. – С. 24-78.
- Стариков А.А. Восточная филология в Московском университете // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: АН СССР, 1960. – Вып. 3. – С. 147-165.
- Сухомлинов М.Н. Материалы для истории образования в царствование императора Александра I // Сухомлинов М.Н. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. – СПб.: Н. Березовский, 1889. – Т. 1. – С. 25-212.
- Фойгт К. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 г. – Харьков: Тип. ХИУ, 1859. – 86 с.
- Шевырев С. История Императорского Московского университета за первые сто лет его существования. – М.: Тип. МИУ, 1855. – 398 с.
- De Gourouff A.A. De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie europeenne. – Charkoff: Typ. Universitatis, 1816. – 122 p.
- Diedericus J.S. Hebraische Grammatik fur Aufanger. – Lemgo: o.v., 1782. – 150 S.
- Dullen A. Kurze Geschichte der evangelisch-deutschen Kirche und Gemeinde zu Charkow nach dem Archive dieser Kirche vorgefundener Quellen zusammengestellt. – Charkov: o.V., 1880. – 135 S.
- Reit B. Der Geist die literarische Kultur nach Orient und Occident // Речи, читанные в торжественном заседании Имп. Харьковского университета, посвященном семилетию со дня его открытия, 17 января 1812 г. – Харьков: Тип. ХИУ, 1812. – С. 1-18.
- Reit B. Der Orient // Речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Харьковского университета 25 декабря 1814 года. – Харьков: Тип. ХИУ, 1815. – С. 1-12.
- Reit B. Specimen historicum Rossorum. – Charkov: Typ. Universitatis, 1811. – 140 p.
- Uvarov S. Project d'une Academie Asiatique. – SPb., 1810. – 88 p.

SUMMARY

The article is devoted to the rise of the oriental studies in Kharkov university in the beginning of XIX century. The author shows that in spite of lack of necessary local background the oriental studies had their start in Kharkov university with its opening in 1805 and sporadically developed there during following two decades. This development was inspired by the government policy in educational field, since the Russian Empire in that time badly needed in specialists of eastern language, culture and history. The main part of the university scholars, studied the East in that age, were guest European professors. They felt themselves in Kharkov lived in the Asian boundary and tried to express this feeling in their scientific and educational work.

